

Нора Георгиевна Адамян

Перевал

Спросить меня, так я не уезжала бы из Теберды. Очень она была хороша, особенно сейчас, в конце августа. Стояли чистые солнечные дни, густо пахнущие хвоей. У берега ледяной Хатипары вылезали круглобокие, твердые боровики. Я любила возвращаться домой с тяжелой корзиной мимо скошенных лугов, полных стрекота кузнечиков, по сырым лесным дорогам, заросшим высокими папоротниками. В голубом небе резко вырисовывались вершины ледников. В самый жаркий день от них веяло свежим ветерком.

Но неугомонный Костя сказал:

— Мы здесь прожили месяц. Хватит. Теперь недели две проживем на море.

— А не пойти ли нам через перевал?

Сперва эта мысль показалась неосуществимой. Куда девать чемодан с вещами? Пройдет ли перевал Маринка? Девочке всего двенадцать лет и зимой у нее был бронхоаденит.

Пока мы решали да собирались, турбаза в Теберде уже закрылась. Но два экскурсовода, закончив работу, решили идти в Сухуми через перевал и согласились взять нас с собой.

И вот, обутые в колючие шерстяные носки, в лыжных штанах и широкополых соломенных шляпах, мы с самого утра сидим и томимся среди пышных цветов нашего садика.

Маринка и Костя каждый час отправляются в турбазу и приносят новости:

— Жоре еще не заплатили денег. У него не хватает котелков.

— Каких котелков?

— За ним числилось подотчетное имущество, и завхоз чего-то недосчитывается.

Посидели, посидели и опять пошли.

— Ирочка отказывается идти. Она с Гиги поссорилась.

— Кто такая эта Ирочка, будь она неладна?

— Ну, мама, как ты не понимаешь? — рассудительно говорит Маринка, — Ирочка раньше была отдыхающая, а теперь она и Гиги влюбленная пара. Она ждала, пока турбаза закроется, чтоб пойти с ним через перевал.

Когда мы уже совсем разморились и решили от скуки пообедать, с улицы прибежала возбужденная Маринка.

— Скорей, скорей, машина пришла!

Мы схватили свои мешки и продели руки в лямки, хотя до машины было всего несколько шагов.

В кузове сидела девушка. Она безразлично посмотрела на нас и отвернулась. Невысокий, коренастый юноша с тяжелыми прядями каштановых волос молча помог нам снять рюкзаки и, легко вспрыгнув в грузовик, аккуратно сложил в уголок.

— Это Жора, — сообщила мне Маринка.

«Что ж это будет, — со страхом подумала я, — два шага пронесла мешок, а уже плечи оттянуло...»

На пустынной улице показался шофер турбазы и Гиги — молодой человек, широкий в плечах и суживающийся книзу.

Девушка, сидевшая в машине, стала внимательно рассматривать верхушки сосен. Конечно, это была Ирочка.

— Ученого еще нет? — спросил Гиги, усаживаясь в кабину.

— Я ждать не буду, — заявил шофер. — Мне надо засветло обернуться.

Машина задрожала, но поехали мы совсем не в ту сторону, куда лежал наш путь. Грузовик, переваливаясь, влез в узенький переулочек и загудел.

— Глеб Александрович! — зычно крикнул Гиги.

Из маленького дома вышел человек. При одном взгляде на него мы сразу почувствовали убожество своего снаряжения. Глеб Александрович был в замшевом спортивном костюме без пуговиц — на одних молниях, на плече он нес новый рюкзак со множеством карманов. В одной руке у него была связка блестящих инструментов — ледоруб, топорик, лопатка и еще что-то, в другой руке он держал свернутую бубликом желтую веревку.

— Он чудно одет, да, мама? — с нескрываемой завистью прошептала Маринка.

Глеб Александрович с помощью Жоры и Гиги очутился в кузове.

— Прошу прощения, — вежливо, но без улыбки, сказал он, отодвинув в сторону мой рюкзак и укладывая свои вещи.

Мы с Ирочкой посмотрели друг на друга. Она подмигнула мне и кивнула в сторону нашего нового спутника. Я ответила ей улыбкой. Нас уже объединяло чувство старожилов.

Покоренная блеском альпинистского снаряжения, Марина коснулась пальцем новенького ледоруба.

— Девочка, это трогать нельзя, — внушительно проговорил Глеб Александрович, — это не игрушки, девочка.

Маринка отдернула руку и сразу притихла.

Костя вступился за дочку:

— Я думаю, что эти игрушки не очень понадобятся вам в предстоящем походе.

— Это вы так думаете! — ответил Глеб Александрович. — Разрешите узнать — который раз вы переходите Клухорский перевал?

Посрамленный Костя замолчал.

Глеб Александрович обвел взглядом нас всех, и тут совершенно неожиданно выяснилось, что даже Гиги и Жора идут через перевал впервые. Они были экскурсоводами по Теберде, а в Сухуми туристов водил другой человек.

— А я совершил этот поход еще в тридцать девятом году, — веско заявил Глеб Александрович.

Сквозь деревья мелькнуло черно-зеленое озеро, в котором мы столько раз купались. Потом пошли знакомые места — дорога на водопад Шумку, березовая роща. Мы не остановились ни у бешеной речки Муруджу, которая состоит из одной молочной пены, ни возле сурового потока Куначкира. Ущелье суживалось. Горы становились выше. Недвижно стояли темные прямые сосны.

Прощай, Теберда!

Марина все еще переживала обиду. Она сидела очень сосредоточенная, потом обхватила меня за шею и прошептала на ухо:

— По-моему, он хам!

Я укоризненно покачала головой.

— Наоборот. Он очень вежливый человек. А тебе урок — не трогай чужие вещи.

Глаза девочки подозрительно заблестели. Тогда Жора, с птичьей легкостью сидевший на борту машины, отстегнул от своей клетчатой рубашки маленький туристский значок и приладил его к платью Марины.

— Теперь ты настоящая туристка!

Этого оказалось достаточным для полного счастья.

Дорога шла все вверх. Костя и Маринка напевали свою любимую песню:

Эх, дороги, пыль да туман...

Ирочка тянула высоким голосом:

Для тебя я, молодая,
В сад зеленый вышла!

Запел и Глеб Александрович неожиданно сильным баритоном:

Тореадор, смелее в бой...

Так весело мы доехали до Северного приюта.

Навстречу машине выбежала курносая девушка и завела с шофером оживленный разговор о делах, к которым мы не имели никакого отношения.

Деревянный, очень декоративный дом стоял на самом берегу реки, а в двух шагах от него поднималась гора, изрезанная продольным серпантинном дороги.

Отсюда начинался подъем на перевал.

Стены домика были испещрены надписями:

«Выходим на освоение перевала. Кто кого! Вася и Алеша».

«Прощай, Любочка! Встретимся в Сухуми!»

«Кавказ подо мною! Арнольд Карапетян».

— Мы тоже напишем что-нибудь, хорошо? — загорелась Маринка.

Все три комнаты дома представляли собою печальное зрелище покидаемого жилища. На полу валялись бумажки, консервные банки. Свернутые полосатые матрацы были стянуты широкой кумачной лентой с надписью: «Добро пожаловать». Курносая девушка вытаскивала из дома узлы и складные кровати.

— На чем же мы будем спать? — тихо спросила я у Кости.

— Может быть, они оставят спальные мешки? — пожал плечами Костя.

Наши проводники о ночлеге не думали. Гиги стоял с Ириной у берега реки, а Жора помогал шоферу грузить вещи.

— Маруся, оставь нам котелок, — уговаривал он девушку.

Мне стало ясно, что никаких мешков не будет. А у нас только одно тонкое байковое одеяло.

«Надо вернуться на этой же машине», — подумала я.

Сердитая река окатывалась по зеленым каменным глыбам. От нее тянуло холодом. Черные ели, покрытые седой, косматой паутиной, обступили разоренный дом.

Как назло, Маринка и Костя полезли на гору за малиной. Мне необходимо было человеческое сочувствие, совет.

— Наверное, нам лучше возвратиться в Теберду, — сказала я Глебу Александровичу, — здесь негде спать. Я боюсь за ребенка.

— И это еще не самое худшее, — готовно ответил он. — Учтите, что впереди ледник.

— Но ведь столько народу ходит через перевал!

— Ну, не знаю, не знаю... Дороги в горах изобилуют неожиданностями. В леднике могут быть трещины...

— Костя! Сюда! — закричала я во весь голос, но в это время машина тронулась и шум мотора заглушил мой голос.

— Котелок я у нее все-таки выпросил, — сказал Жора, подходя к нам.

Мы собрались перед домом у большого плоского камня со следами костра. Глеб Александрович развязал свой рюкзак, вынул термос и стал пить горячий кофе. Гиги и Жора обменивались между собой короткими, малопонятными фразами.

— Здесь ночевать не будем, — объявил Гиги, — пока светло, тронемся на подъем.

— Позвольте, — сказал Глеб Александрович, — куда на подъем? Здесь хоть крыша над головой, а там до Южного приюта ничего нет. Я эти места знаю! Ни Жора, ни Гиги не удостоили его ответом. На камне расстелили газетный лист и достали еду. Маринку очень волновало, как мы будем питаться.

— Все вместе будем. Правда, мама? Все вместе, — убеждала она, пока я доставала из мешка жареных цыплят.

Гиги извлек из своего рюкзака копченую колбасу.

— Вот что, товарищи, — сказал Костя, — надо поступать целесообразно. Сперва будем есть то, что может испортиться. Колбаса подождет.

Никто не возражал.

— Присаживайтесь ближе, — предложила я Глебу Александровичу.

— Благодарю. Я закусил, — ответил он и отошел в сторонку.

Ира ела нехотя. Она была безучастна ко всему окружающему. Ее большие светло-голубые глаза всегда были обращены в сторону Гиги. О чем бы он ни говорил, она слушала его широко улыбаясь.

Но Гиги говорил мало.

— Пошли! — скомандовал он, едва мы покончили с цыплятами.

Нам было все равно — идти так идти. Мы вполне сознавали свою зависимость от предводителей и покорно просунули руки в лямки своих мешков. Но Глеб Александрович запротестовал:

— Это безумие. Нас в горах застигнет ночь!

— Наверху есть старые блиндажи, — пояснил Жора. — Сейчас по холодку осилим подъем, а утром перевалим.

Пошли мы не по серпантину, а по прямой туристской дорожке. Лес кончился. Тропинку обступали высокие травы. Позади меня шел недовольный Глеб Александрович, но я не прислушивалась к его воркотне. Мне было очень трудно идти. Болели оттянутые мешком плечи, прерывалось дыхание, кровь стучала в висках. Примерно через каждые десять минут Гиги давал нам коротенькую передышку, и это бывало именно в ту секунду, когда я уже не могла сделать ни одного шага.

На одной из остановок сверху спустился Жора. Он молча снял с меня рюкзак, накинул его ремни себе на плечо и пошел рядом со мной.

Нести свой мешок всю дорогу было вопросом самолюбия. Марина никому не отдала свою ношу. Но уж бог с ним, с самолюбием! Я сразу ожила и огляделась вокруг. Травы уже не стояли стеной, а стелились по земле. Внизу в сумраке ущелья темнели леса. А мы догнали солнце, которое горело на белых вершинах. Низко сползали языки ледников, изрезанные голубыми полосами, будто следами от гигантских лыж.

— «Неприступные громады высятся над нами», — продекламировала я.

— Нет, какие же они неприступные! — сказал Жора, деловито оглядевшись. — Они давно все освоены. На каждой вершине лежат по десятку консервных банок с записками.

Мы разговорились. Жора был самый старший в семье и после смерти отца помогал матери растить детей. О себе он говорил скупой. Все переводил разговор на Гиги.

— Гиги уже на третий курс перешел. Географом будет. Он очень способный. Вообще, у них вся семья такая, сестра умная, красивая — мы с ней дружим. Отец колхозник, Герой Труда, замечательный старик. С одной стороны — вполне передовой, справедливый человек, а вместе с тем своих обычаев сильно придерживается. Например, когда мы у них на свадьбе гуляли — стаканов на столе не было, вино в турьи рога наливали. Туда больше литра входит, а на стол не поставишь — не держится. Ну, надо пить.

— Это чья же свадьба была?

Жора помолчал, потом неохотно ответил:

— Так, одна свадьба...

Мы остановились, поджидая Глеба Александровича, который сильно отстал.

— Ну где, где оно, это ваше жилье? — еще издали кричал он.

— Самое трудное пройдено, — строго сообщил Гиги. — Здесь и переночуем.

Он махнул рукой вверх. Сперва мы ничего не увидели — гора и гора. Потом, как на загадочной картинке, глазам сразу открылся домик, наполовину выбитый в горе, наполовину сложенный из камня и бревен. Грубая печь и выщербленные доски пола оказались покрытыми толстым слоем желтоватой пыли.

— Пыль веков, — пошутила я.

— Пыль войны, — серьезно сказал Жора. — Это последние военные укрепления в горах. Дальше фашисты не прошли.

Он уже где-то нашел тесину и ловко раскалывал ее складным ножом.

— У него есть топорик, — сказала я шепотом, указывая на Глеба Александровича.

— У другого можно взять и без спросу, — ответил Жора, — а этот человек сам должен предложить.

Но человек и не думал предлагать. Он снова вытащил термос и пил свой кофе.

Мужчины налаживали костер. Ира мечтательно смотрела на Гиги.

— Ира, — окликнула я девушку, — пойдете-ка мы с вами за водой.

Она удивленно взглянула на меня, но встала. Мы спустились к речушке, вытекающей из-под ледникового языка, и пока прополоскивали посуду, я узнала, что Ира — техник, живет в Ленинграде, работает на станкостроительном заводе. В Теберду она попала по путевке — завод премировал лучших производственников... На Кавказе девушка никогда не была, и меня удивило не то чтоб безразличие, а какое-то спокойствие, с которым она смотрела на величие окружающей нас природы.

— Вам не нравятся горы, Ирина?

— Отчего ж, горы хорошие, — ответила она.

Больше спрашивать было не о чем.

Солнце уже зашло. Ледники стали розовыми, а воздух резким и холодным. Печка в нашем убежище отчаянно дымила. Едкий дым зеленоватыми, плотными струйками выползал из ее бесчисленных щелей. Только низко пригнувшись к земле, можно было спастись от дыма.

Пока мы ужинали, я старалась не думать о том, как мы будем спать. Глеб Александрович уже влез в спальный мешок облегченного типа — небольшой, но, видимо, достаточно теплый.

— Ничего, — сказал Жора, — и мы сейчас отлично устроимся!

У ребят оказался кусок брезента. Мы расстелили его на полу. Маринку я укрыла сложенным вдвое одеялом. Она заснула быстро, а для нас началась бесконечная ночь с короткими провалами в сон. Сперва никак не удавалось улечься на жестком, в рытвинах полу. Потом я задремала, но скоро проснулась, дрожа от холода.

Видимо, стужа разбудила не только меня. Гиги сидел перед печкой и подкладывал в нее щепки, а Ира, облокотившись на свой мешок, говорила ему шепотом:

— Ты сказал — оставайся. Я осталась. Я не посчиталась, что отпуск свой просрочила, что с работы меня могут снять. А ты все молчишь. И ничего я не знаю. Ничего ты мне не оказал.

— А тебе обязательно слова нужны?

— Ну, а как же иначе объясняются люди? Я от товарищей отстала, иду с тобой. А куда? Зачем? Как во сне... Не знаю даже, любишь ли ты меня...

— Вот! — сказал Гиги. — Именно этого твоя душа хочет. Но я еще ни одной женщине не сказал, что я ее люблю. И не скажу! Без слов понимать надо. Я тебе предложил: «Пойдем со мной». Ну и конец. И все!

«Ах, мальчишка! Ах, хвостун!» — подумала я и неожиданно задремала. А когда у меня одеревенела шея и я снова открыла глаза, Гиги уже спал, а Ирина лежала рядом со мной.

Наконец стало светать. Костя первым вышел из блиндажа, но тотчас вернулся обратно.

— Вы только посмотрите, что творится! Ночью выпал снег. Не удивительно, что мы так зябли...

Все вокруг было в снегу. У наших ног лежали плотные волнисто-кудрявые облака. Над собой мы видели белые вершины гор, но внизу уже ничего нельзя было разглядеть.

— Скверное положение, — сказал Глеб Александрович, — я эти места знаю. Не меньше трех дней здесь просидим.

Я пришла в ужас от его слов, но, поглядев, какой он востропанный и измятый, сообразила, что сама выгляжу не лучше, и это меня испугало еще больше.

Одна Маринка отлично выспалась и чувствовала себя хорошо. Мы умылись снежком и сидели вокруг костра, который развели у дома.

— Может быть, разделим продукты на несколько дней? — мужественно предложил Костя.

— Это зачем? — презрительно спросил Гиги.

— Ну, а на случай, если погода не изменится и нам придется здесь задержаться.

— Для чего нам задерживаться? — мягко оказал Жора. — Вот позавтракаем — и тронемся.

Глеб Александрович пил кофе из своего термоса.

— Последняя, — с торжеством шепнула мне Маринка.

— Что «последняя»? — не поняла я.

— Кружка последняя. Уже все вылил из термоса!

— А тебе-то что?

— Теперь у нас будет просить котелок. А мы не дадим.

— Кто это не даст?

— Жора не даст. Мы так решили. Пусть с нами питается.

— На что он тебе нужен? — никак не могла я понять.

У нас было множество вкусных вещей — и шоколад, и печенье, и пирожки. А Глеб Александрович ел только крутые яйца и сухие галеты. Да и не такая была девочка Марина, чтоб польститься даже на самую вкусную еду. А все-таки я чувствовала, что для нее было очень важно присоединить Глеба Александровича к общему столу.

— Кстати, о продуктах, — мрачно сказал мне Костя, когда мы после завтрака пошли размять ноги. — Ты знаешь, ночью произошла очень неприятная вещь. Я даже сперва не хотел тебе говорить.

Он покосился на Марину, которая собирала чернику, стряхивая снег с зеленых кустиков.

— Понимаешь, вчера, когда мы поднимались, Жора все спрашивал Маринку, что находится у меня в рюкзаке. Я сам слышал, как он спросил: «А кроме еды, ничего нет?» А ночью я своими глазами видел, как он вытащил из моего мешка эту проклятую бутылку коньяка и консервы.

Я ничего не смогла ему ответить.

— Черт с ним, с коньяком! — все больше распалялся Костя. — Мне за парня обидно. Что ты молчишь? — рассердился он на меня.

— Он самый хороший... а вы... вы глупые! — крикнула вдруг Марина. Она стояла вся красная и впервые в жизни говорила с ним так резко. — Он еще вчера сказал Гиги: «Я у него что-нибудь незаметно вытащу, ему с непривычки тяжело». Гиги сказал: «Не связывайся, еще не так подумают». А Жора сказал: «Это не такие люди. Они плохо не подумают». А вы взяли и подумали.

Марина заплакала. Мы с Костей поняли в эту минуту, что не выдержали одного из жизненных экзаменов.

— Не плачь, — сказала я, — мы ведь не знали... Мы больше никогда так не будем думать.

Костя молча прижал девочку к себе.

В это время с невероятной быстротой под нами разошлись и растаяли облака. Внизу тянулся лес, желтела полоска дороги, зеленели полянки. А мы стояли в снегу!

— Кончай ночевать! — крикнул Гиги. — Тронулись!

На этот раз я несла свой рюкзак сама. Тропинку занесло снегом, и мы вылезли на серпантин. Солнце взошло, но вокруг было странно тихо — ни чириканья птиц, ни стрекота кузнечиков. Исчезла всякая зелень, ниже сползли ледники.

За поворотом дороги меня ждал Жора. Он был мрачен.

— Скажите Ирине, — начал он требовательно, — пусть едет домой! Вы, как пожилая женщина, сумеете это лучше сказать...

Это было так неожиданно, что я даже не реагировала на «пожилую женщину».

— Почему Ира должна ехать домой?

— Гиги женат. У него двое детей.

Жора сумрачно смотрел перед собой и по временам резко откидывал со лба тяжелые пряди волос. Я вспомнила восторженные глаза девушки. Как ей сказать об этом?

Жора огорченно цокнул языком.

— Не хотите? Ну что ж, тогда я сам...

— Нет уж! — сказала я. — Это надо осторожно сделать.

— Куда вы? Куда? — раздался за нами чей-то голос.

Мы обернулись. Отставший Глеб Александрович размахивал руками и истошно кричал:

— Для чего вы зашли сюда? Совершенно лишний крюк! Вон за той скалой надо повернуть.

Я вопросительно посмотрела на Жору.

— Идите за нами, я вас очень прошу, — твердо проговорил Жора и тронулся вперед.

— Я вижу, что мне придется встречать вас в Сухуми, — язвительно бросил Глеб Александрович и повернул обратно.

— Так нельзя, товарищи, — взволнованно сказала я, когда догнала свою группу. — Мы оставили человека одного в горах.

— Далеко не уйдет, — ответил Гиги сквозь зубы, — только хлопот нам наделает...

Ира засмеялась заливчато и радостно. Я с удивлением посмотрела на нее, не находя повода для такого веселья. Глаза девушки светились счастьем. Может быть, она добилась нужного ей слова?

Но Костя не так понял смех Ирины.

— Хорошее дело! — сказал он возмущенно. — Как-никак мы все за него отвечаем!

— Смешно слушать, — невозмутимо пожал плечами Гиги. — Мне времени жалко, а то я ему хороший урок дал бы. Я бы его до вечера одного оставил.

Он взял Иру под руку и отвел ее в сторону.

— Гиги верно говорит, — пояснил Жора, — ему ничего не стоит человека в горах разыскать. Когда мы на Эльбрусе работали, он несколько человек спас. Очень талантливый альпинист.

— А ты? — требовательно спросила Маринка.

— У меня тоже третья степень, — будто неохотно ответил Жора.

Минут через десять Гиги сделал ему знак, и они вдвоем отправились на розыски Глеба Александровича. Мы долго сидели над неподвижным изумрудно-зеленым Клухорским озером. Марина и Костя дремали. Несмотря на близость ледников, солнце припекало довольно сильно, но стоило придвинуться в тень скалы, как становилось холодно.

— А что, в Грузии совсем не бывает зимы? — спрашивала меня Ира. — А заводы большие есть?

Это был очень удобный момент, чтоб поговорить с девушкой.

— Вы собираетесь переехать из Ленинграда, Ира?

— Все может быть, — сказала она, тряхнув светлыми колечками волос. — А скорее всего я и совсем не вернусь туда.

— Но ведь это очень серьезный шаг. И как можно...

— Я все наперед знаю, что вы мне окажете, — прервала меня Ира, — и знаю, что вы мне добра хотите. Но ведь и я себе счастья хочу. А для меня сейчас только одно...

Обычно медлительная, несколько флегматичная девушка сейчас торопилась высказать что-то важное для себя.

— Я до сих пор думала — пусть меня крепко любят, а я так, с прохладцей...

А теперь поняла — лучше всего, когда сама любишь. Только это настоящее.

Тут я смалодушничала. Не сказала простыми, короткими словами того, что нужно было знать Ире. Я придумывала, как бы это сделать потоньше, а в это время на дороге показались три мужские фигуры и девушка побежала им навстречу.

— Вот веревка и пригодилась, — насмешливо сказал Гиги, бросая на землю размотанную желтую веревку и роскошный рюкзак. — Одного не понимаю — каким образом вы влезли на эту скалу?

Я ничего не стала бы спрашивать у Глеба Александровича. Было жалко смотреть, как он плелся без своего рюкзака в промокшем и отяжелевшем замшевом костюме.

— Вы знаете, там, кажется, раньше действительно была дорога, а потом ее закрыли, — соврала я, чтоб дать Глебу Александровичу возможность оправдаться.

— Если вы об этом знали, следовало предупредить меня заранее, — с раздражением отозвался он.

— Схлопотала? — с тихим торжеством сказал мне Костя.

Край неба покрылся тучей, озеро потемнело, ледники из голубых стали серыми. Пора было идти дальше.

— Я вас не задерживаю, — заносчиво заявил Глеб Александрович.

— Что это вы, не хотите идти с нами?

— Не могу. Физически не могу. Я растер ноги.

Глеб Александрович стянул свои подбитые шипами ботинки, и мы увидели разодранные клетчатые носки и огромные водяные мозоли на пятках.

— Эх, пижонство! — с досадой плюнул Гиги. — Кто в такие ботинки шелковые носочки надевает!

Глебу Александровичу густо смазали ноги вазелином и обули его в старые Костины тапочки.

— Хорошо, что мы их не выбросили, — рассудительно заметила по этому поводу Маринка.

Нам предстояло полкилометра пути по леднику. Надо было идти цепочкой, след в след. Гиги возглавил колонну.

Дул очень холодный ветер. Даже не дул, а непрерывно тянул, как гигантский сквозняк. Все вокруг заволокло туманам. Ледник был присыпан свежим снежком. Вероятно, для Гиги это создавало трудности. Потом стало известно, что он вовремя отскочил от трещины. Когда мы наконец ступили на твердую землю, я почувствовала большое облегчение. Еще некоторое время продолжался подъем. Потом вдруг идти стало удивительно легко. Дорога не переменилась. Это была та же припорошенная снегом каменистая тропа. Но нас как будто понесло — выпрямились плечи, грудь вздохнула свободно.

— Перевалили, — сказал Гиги. — Здесь где-то должен быть столбик — опознавательный знак перевала.

Столбика мы в тумане так и не нашли.

За перевалам туман рассеялся. Одна за другой поднимались горы. Мы очень торопились, наверстывая время, и «резали» серпантин, скатываясь напрямик по отсекам гор — то ползком, помогая себе руками, а то и просто на «пятой точке», как говорил Гиги.

— Главное — смотри себе под ноги, — убеждал меня Костя, — и послушайся моего совета: предоставь двум взрослым людям самим улаживать свои дела.

Я была сердита на Костю за его совет и на себя за то, что передала ему свой разговор с Жорой. Недовольна я была еще и потому, что Глеб Александрович, довольно бодро шагавший позади нас, уловил суть дела.

— Мы не имеем права проходить мимо подобных явлений, — строго объявил он Косте.

Я очень испугалась.

— Глеб Александрович, не говорите им ничего, прошу вас.

Глеб Александрович снисходительно усмехнулся.

— Вряд ли кто-нибудь сделает это лучше меня, — сказал он. — Мне неоднократно приходилось читать доклады о морали, о нормах поведения, так что это как раз та область, в которой я кое-что смыслю.

Я боялась взглянуть на Костю, но он в этот момент прыгнул с откоса и широко зашагал с горы. Снизу нам махали руками Ира и Маринка. Они собрали по большому пучку крокусов — гигантских подснежников, которые росли у самых ледников. Издали две тоненькие фигурки, обе в лыжных штанах и соломенных шляпах, только тем и отличались, что одна была побольше, а другая поменьше.

Они стояли вблизи огромного водопада.

— Люди все-таки иногда очень правильно дают названия — Клыч! — глубокомысленно заметила Марина.

Грохочущий, клубящийся Клыч с такой силой скатывался меж двух скал, будто торопился выполнить срочную работу. Он обдал нас водяной пылью, и тотчас, будто по его распоряжению, заморосил мелкий унылый дождик. Пережидать его не было смысла. Мы шли, уже не боясь промокнуть, — шагали прямо по воде, переходя бесчисленные мелкие водопадики, слетающие со скал на нашем пути.

Незаметно вокруг нас снова вырос лес, зашумели листья и травы, остро запахли мокрые папоротники.

Южный приют лежал в низине около дороги. Тут не было никаких построек. Видимо, туристов размещали в палатках. Сейчас здесь оставался только большой шатер. Но убогий вид Южного приюта вполне искупался радушием его хозяев. Навстречу нам выскочил краснощекий, плотный мужчина с черными усами.

— Дорогие гости! — кричал он, протягивая к нам руки. — Добро пожаловать! Милости просим!

— Он наш знакомый? — спросила Марина.

— Нет. Наверное, он знакомый Жоры или Гиги, — ответила я.

Мы были приглашены внутрь шатра, где горел большой очаг. От нашей одежды тотчас пошел пар. Все разделись и стали сушить обувь и одежду у очага.

В шатер часто входила толстая старушка. Не обращая на нас внимания, она все время выносила из помещения какие-то вещи — маслобойку, корыто, ведра.

В шатер заглянул Костя, беседовавший с хозяином.

— Ну, все отлично! — сообщил он. — Южный приют сегодня снимается. Сейчас сюда придет машина забирать вещи. На этой машине мы доедем до Ажар, переночуем, а наутро автобусом прямо до Сухуми.

— Ох, как хорошо! — обрадовалась я. — У меня все косточки болят. Больше ни шагу не могу ступить!

— Снимаем приют, снимаем, — воодушевленно говорил мужчина с усиками. — Вам повезло, товарищи, завтра здесь уже ничего не будет.

— А вы нас отвезете в Ажары? — осторожно спросила Маринка, чтоб удостовериться в нашем полном благополучии.

— А как же! Разве можно гостей не отвезти? Вы будьте спокойны — отдыхайте, закусывайте. Скоро машина придет.

Это был очень энергичный мужчина. Он бегал на коротеньких ножках взад и вперед, стаскивал на лужайку какие-то жерди и бревна.

Настроение у нас улучшилось. Мы наварили манной каши. В обеде приняли участие все без исключения, к великому удовольствию Марины. Я со страхом ждала от Глеба Александровича выпадов против Гиги, но он ограничился тем, что проявлял рыцарское внимание к Ире — заботливо подавал ей хлеб, предложил свой стаканчик.

— Почему так долго нет машины? — томилась Маринка. — А вдруг она совсем не придет?

— Как можно? Что ты говоришь, барышня? — вмешался наш вездесущий хозяин. — Я уже сейчас этот шатер снимаю. Как может машина не прийти?

Мы забрали свои вещи и вышли на лужайку. Хозяин хлопотал около шатра.

— А ну, поможем, поможем, — приглашал он нас.

— А что ж, поможем, — согласился Костя. — Давайте же, друзья!

Жора распутал веревки, Костя вытаскивал шесты, на которые был натянут брезент, и скоро наше последнее прибежище осело на землю, как приземлившийся парашют.

— Дружно! Взяли! — кричал хозяин. — Туже, туже затягивай! — суетился он, пока свернутый брезентовый шатер не стал похож на большое веретено.

Потом он попросил ребят подтащить к дороге большие бревна. Маринка и я ловили в кустах удивительно голосистых и увертливых поросят. Толстая старушка, мамаша заведующего, связывала поросятам ножки и укладывала их в большую корзину.

— А они не задохнутся? — волновалась Маринка.

— Ничего, ничего, все будет хорошо, — благодушно отвечала женщина...

Машина пришла, когда уже стало смеркаться. Шофер, маленький, щуплый, с безразличным видом сел на пенек и сказал скучающим голосом:

— Грузите, что ли...

— Сейчас, дорогой, сию минуту, — заверил его заведующий.

Машину наши ребята грузили с полным знанием дела. Сперва положили большие круглые бревна, на них палатки и свернутый шатер. По углам рассовали большие бочки. Затем наступил черед всякой хозяйственной утвари. Тут были лохань, ведра, бидоны, клетка с курами. Между вещами заведующий старательно заложил не менее двух кубометров напиленных дров.

На этом этапе укладки у меня возникли первые сомнения. Я остановила Костю, который тащил в машину какую-то корягу:

— Костя, а мы поместимся?

— Не беспокойся. Ты не знаешь этих машин. Всегда кажется, что совсем уже нет места, а потом все размещается.

В кустах оказались складные кровати, погрузили и их. Особенно старалась мамаша. Она тащила невыделанные овечьи и телячьи шкуры, узлы, мешки.

— Ну, — сказала я Ирочке и Марине, — вы, может быть, тут как-нибудь и поместитесь, а я определенно нет.

Наконец на самую верхушку водрузили корзину с поросятами и уложили огромную связанную свинью. Рядом со свиньей уселась мамаша, держа в объятиях большую керосиновую лампу. Хозяин поднял борт машины, укрепил его крючьями и, улыбаясь, направился к кабине. Неразговорчивый шофер докурил папиросу, плюнул и не торопясь пошел на свое место.

Мы стояли на дороге в полной боевой готовности.

— Да! — вдруг радостно воскликнул хозяин Южного приюта. — А где же мы поместим наших дорогих гостей?

— А нигде мы не поместим дорогих гостей, — сумрачно объявил шофер. — Я еще не сошел с ума — на такую груженую машину пассажиров брать. Я себе не враг.

— Но уже ночь, — с отчаянием сказала я.

— Ай-ай-ай, — заворковал заведующий. — Ну ничего, ничего, тут прямая дорога, хорошая дорога. Каких-нибудь тринадцать километров до селения Гвандра. Там очень прекрасно переночуете.

Он поднял кепку над головой и покрутил ею в воздухе.

— До свидания, дорогие товарищи, до свидания!

Загудела машина, захрюкала свинья, но, заглушая все звуки, наш новый знакомый кричал:

— До скорой встречи в Ажарах, дорогие!

— Вот прохвост! — удивленно сказал Костя.

Жора сокрушенно качал головой:

— Ах, какие люди бывают...

— Это все потому получается, что вы не хотите, как все жить, — срывающимся от досады голосом сказала Маринка, — потому, что вы не любите ни в турбазе, ни в санатории отдыхать. Вам не нравится по звонку обедать и спать. А вот если люди не дикие, а настоящие туристы, никто не имеет права так с ними поступать, ни в Северном приюте, ни здесь...

— Детка моя, ты устала? — беспомощно задала я совершенно праздный вопрос. Конечно, она устала, хотела спать, была сердита и обижена.

— Пойдем, — сурово сказал Гиги, — быстро пойдем. — Через два часа будем в Гвандре.

Он вынул из кармана небольшой револьвер и тщательно его зарядил.

— Здесь есть волки? — осведомилась Марина.

— Ну, волки сейчас не нападут, — ответил ей Жора, — это так, на всякий случай. Вдруг кабан выйдет на дорогу или мишка. Они не страшные.

— Сдается мне, что у кого-то в рюкзаке есть добрая бутылочка коньяка, — бодро провозгласил Костя. — Подать ее сюда!

В сгущающейся темноте мы стояли вокруг огромного старого пня и следили, как Жора разливает по кружкам коньяк.

— Ну, посошок на дорожку, — сказал он.

— Позвольте! — остановил его Глеб Александрович. — Мне хочется сказать маленькое слово.

— Тост, — вздохнула Марина.

— Ксенофонт говорил, — солидно начал Глеб Александрович — и пошел! Он привел несколько цитат из древних греков, сослался на классическую литературу. Слова «Долг», «Самосознание», «Обязанность» произносились им с большой буквы.

«Может быть, пронесет стороной», — с тоской думала я.

Заговорив о моральной красоте человека, Глеб Александрович скромно привел в пример себя. Его жизнь лежала перед нами прямая, без сучка и задоринки, как достойный пример для подражания. С вершин своей чистоты он требовал гармонии и порядка в общественной и личной жизни каждого из нас. Он не называл имен. Он многозначительно сказал:

— Не надо обмана. Помните о своих священных обязанностях по отношению к своей семье, к своим малюткам. Преодолейте мимолетное увлечение! — И потянулся своей кружкой к Гиги.

Гиги швырнул свою кружку на землю. Он не смотрел на Глеба Александровича. Он обернулся к Жоре.

— Друг! — сказал он с брезгливым презрением. — За сколько продал?

Он резко дернул плечами, поправляя лямки мешка и подняв голову, ушел от нас в черные кусты.

Темнота мешала мне рассмотреть лицо Иры. Я только видела, что она сидит неподвижно, держа в руках белую кружку.

— Непонятно — к чему вы все это говорили? — вдруг раздался ее спокойный голос. — И откуда вы все это взяли? Никто никого не обманывал. Все ж таки сперва надо разобраться, как и что, а потом тосты произносить.

Мы молчали. Ночной лес окружал нас со всех сторон.

— А если на дорогу выйдут мишка или кабан, — вдруг спросила Маринка, — чем мы его будем стрелять?

— Ну какой там кабан! Они все спят сейчас, — ответил ей Жора. — А мы пойдем, как на леднике, цепочкой, след в след. Гнать сильно не будем. По силе слабых пойдем.

Стало совсем темно. Самым неприятным было ощущение неизвестности — куда ступит нога? Глеб Александрович то и дело зажигал спички, отчего еще больше вокруг сгущалась темнота. Впереди громко смеялась Ира.

— Странная девушка, — вздохнул Глеб Александрович. — Вы не находите?

— Не нахожу, — ответила я резко. — И не понимаю — для чего вы устроили всю эту комедию?

К моему удивлению, Глеб Александрович не рассердился.

— Вам кажется, что получилось не очень хорошо? — спросил он унылым голосом. — Видимо, я чего-то недоучел.

Некоторое время мы во мраке осваивали крутой спуск лесной дороги.

— Личные взаимоотношения — очень сложная область, — грустно изливался Глеб Александрович. — Вот я недавно проявлял внимание к одной аспирантке... Я всегда стремлюсь к ясности и определенности. Разве это плохо? Если меня спрашивают, который час, я отвечаю: «Без двух минут пять». Или: «Тридцать две минуты третьего». Вы можете понять девушку, которая на этом основании отказывается выйти замуж? Разве это повод для

разрыва? Если бы она сказала: «Я вас не люблю», — ну, это определенно и понятно.

— Да, тогда уж действительно понятно, — согласилась я.

Стало светлее. Возможно, это был свет звезд, может быть, наши глаза освоились с темнотой, но я уже различала рытвины и камни на дороге. До меня все время доносился голос Жоры. Он разговаривал и смеялся, хотя я знала, что ему сейчас совсем не до смеха. Мы приготовились к очень долгому пути. Возможно, поэтому он и кончился раньше, чем все этого ожидали. Злобно и хрипло залаяли псы.

— Гвандра, — сказал Жора.

Я различала несколько темных строений. Подойти к ним было страшно — уж очень надрывались и гремели цепями собаки. Маленький красный огонек отделился от забора и поплыл к нам.

— Светлячок, — удивилась я.

— Гиги, — тихо сказал Жора.

Держа папиросу в зубах, к нам подошел Гиги.

— В доме одни женщины, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Меня не пустили. Надо им показать, что с нами тоже есть женщины.

В три голоса мы стали проситься переночевать. Кто-то вынес во двор зажженную лампу, нам открыли калитку и ввели в огромную комнату. Вся мебель — стол, кровать и стулья — была под стать комнате: большая, из толстых дубовых досок.

— Это жилище великанов! — сказала изумленная Маринка.

В доме действительно оказались одни женщины.

Мужчины этого маленького селения ушли в Ажары чинить размытую дождем дорогу.

Стройная молчаливая девушка вскипятила нам котел воды и настелила на пол груды сена. Жора открывал консервы и нарезал хлеб. Гиги присел на корточки у самой двери и курил, выпуская дым в дверную щель.

Пересиливая изнеможение, я подошла к Ирине, которая рылась в своем мешке, подозрительно низко склонив над ним голову. Я тихо коснулась ее волос. Ира сразу посмотрела на меня, вопросительно подняв брови.

— Ах, горячее какао! Какая прелесть! — сказала она. — Гиги, что ты там возишься? Твоя кружка в моем мешке.

Поверх сена мы постелили наш испытанный брезент. Это был самый лучший ночлег в нашей жизни, самая удобная постель, самый крепкий сон. Мы ни о чем не разговаривали, только, когда уже была потушена лампа, Марина спросила шепотом:

— Ты не знаешь, какие у Гиги малютки — мальчики или девочки? — И тут же философски добавила: — Ничего, у Иры тоже будут дети...

Утро было солнечное, омытое вчерашним дождем. В лесу росли фруктовые деревья. Марина с азартом собирала в свой мешок некрупные, но очень ароматные груши. Мы с Ириной медленно шли по дороге. Впереди виднелось селение — все в садах, огородах, зеленом плюще.

Ира первая заговорила со мной.

— Я виновата перед вами, — сказала она. — Вы вчера подошли ко мне, а я вас оттолкнула. Я понимаю — вы меня утешить хотели, но ведь это невозможно. Я испугалась этих слов, но лицо девушки было по-прежнему серьезно-спокойным.

— Мне это самой изжить надо, — продолжала она. — Но только мы с вами сегодня расстанемся, может быть, навсегда, и мне не хочется, чтоб вы думали обо мне плохо, то не легкомыслие было, поверьте...

— Я вам верю, Ирочка.

— Ну вот, — вздохнула, будто подведя черту, Ирина. — Что ж делать. Я ни от кого в жизни обмана не ждала.

Меня удивило, что она ни слова не сказала о Гиги. Со вчерашнего вечера он держался отчужденно, и только одна Ира говорила с ним короткими, деловыми фразами.

По дороге бежал Костя.

— Что вы так отстали? Мы машину подрядили до самого Сухуми.

Кончилось наше путешествие. Мы ехали все вниз, вниз на большом, добротном грузовике. Шире расступались горы, рядом с нами бежала река Кодор. Пихту и ель заменили сероватые кроны грецкого ореха и узорчатые листья каштана. Было очень хорошо. Сладко отдыхали натруженные мускулы. Все молчали. Только разок Глеб Александрович затянул: «Я тот, кого никто не любит...» Но сразу осекся и виновато сказал:

— Вы знаете, я занимаюсь пением в кружке при Доме ученых, и мне необходимо каждый день упражнять голос.

За одним из крутых поворотов наш шофер остановил машину.

— Я предупреждал, — веско сказал он, — здесь постоим. Впереди дорога попорчена.

Огромная масса земли, подмытая водой, сползла с горы и села на дорогу. Колхозники ближайших сел и дорожные рабочие расчищали путь.

Костя не мог долго оставаться бездеятельным.

— Что ж, мы так и будем сидеть? Может быть, наша бригада включится в работу?

И все члены нашей бригады один за другим поскакали из машины. Шествие открывал Глеб Александрович, размахивая своими инструментами, которые наконец действительногодились.

А я, разомлевшая под солнышком, не вылезла из кузова. Я даже чуть вздремнула под шум Кодора и щебет каких-то пичужек.

Первой на дороге показалась Ира. Она шла к машине, раздумывая и растрепанная, стряхивая с платья пыль. Когда она поравнялась с грузовиком, из-за кустов вышел Гиги.

— Ты что, говорить со мной не хочешь? — вызывающе спросил он.

— Я с тобой говорю, — ответила Ирина. — Пусть люди не думают больше того, что есть. А так — о чем мне с тобой говорить?

— Вы все тут дурака из меня сделали. В чем дело? Я перед тобой виноват? Я тебе что-нибудь обещал? Ну, скажи! — требовал Гиги и сам не знал, что ему нужно.

— Успокойся ты! — презрительно отвечала Ира. — Ничего ты мне не обещал, ни в чем ты меня не заверял. Ты себя остороженько вел.

— И это тоже плохо? Я, может быть, о тебе думал.

— Ты обо мне не думай. Ты о себе подумай. Ты одного себя любишь. Ты в нашей жизни несчастным человеком будешь...

К машине подходили наши ребята — пыльные, веселые, с мозолями на натруженных ладонях.

— Наша бригада минимум на полчаса сократила стоянку, — кричал Костя.

Гиги прислонился к кабинке. Мимо него прошел Жора, высоко держа свою каштановую голову.

— Георгий! — позвал его Гиги. — Кто из нас кому должен?

Нагловатый тон этой фразы был начисто стерт протянутой рукой и тревожным, почти просительным взглядом. Жора ничего не ответил. Он подсадил в кузов Иру и Маринку и вспрыгнул за ними, даже не взглянув в сторону Гиги. Беспечно насвистывая, Гиги устроился в кабине.

Мы ехали гордые и бесстрашные. Мы не вылезли из грузовика, когда дорога узким карнизом нависла над пропастью и машина медленно продвигалась по склону отвесных Багатских скал. Перед нами открылась зеленая Цебельда. Только здесь я поняла слова поэта:

На холмы Грузии легла ночная мгла.

Ночной мглы не было. Но холмы поднимались волнистыми линиями, разграфленные посевами табака, виноградниками, рядами круглых мандариновых деревьев.

Мы парни brave, brave, brave!..

затянул Костя. У него не было ни голоса, ни слуха. Но песню поддержал и понес мягкий баритон Глеба Александровича, взлелеянный в певческом кружке Дома ученых. В нее вплелись и наши невозделанные, но достаточно мажорные голоса:

В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем...

Я обернулась к Ирине. Она тихо подпевала нам и смотрела вперед — туда, где на горизонте появилось наконец блистающее синее море.